

1095

АЛЕКСЕЙ АВДОХИН

12+

Алексей Авдохин

1095

«Автор»

2021

Авдохин А.

1095 / А. Авдохин — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-92258-7

Конец XI века. Христианский мир на пороге крестовых походов, но в народе все ещё сильна вера в древних Богов. Время, когда судьбы Европы и великой некогда Империи Ромеев зависят от того, устоит ли Русь под напором кочевников. Время, когда деревья были большими, люди искренними, а Боги справедливыми. Время, когда Русь становилась великой.

ISBN 978-5-532-92258-7

© Авдохин А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алексей Авдохин

1095

Пролог

И обращу праздники ваши в сетование и все песни ваши в плач, и возложу на все чресла вретнице и плешь на всякую голову; и произведу плач, как о единственном сыне, и конец ее будет как горький день.
Ветхий Завет, Книга пророка Амоса, глава 8

За окном неистовал гром. Шумно стуча по крыше, всюду лил дождь. Пламя свечи тревожно билось и дрожало, отбрасывая на стены причудливые тени.

Было еще не поздно, но из-за грозы стемнело так, словно давно наступили сумерки. Он задул свечу, подошел к окну и долго, задумчиво смотрел на мокрую, избиваемую дождем листву и грязные лужи, в которые быстро превращался княжеский двор.

Яркая вспышка молнии прошла небо и вслед за ней, где-то совсем рядом, рокочущими раскатами загрохотал гром. Он вздрогнул, перекрестился, зашептал было молитву. И тут он снова услышал крик.

Все тот же крик. Сначала едва различимый среди грозы, он нарастал, звучал все громче, громче, громче, пока совсем не заглушил и шум дождя, и взрывы ветра, и бешеное биение сердца.

В этом крике было все: страх, ненависть и отчаянное желание выжить. Это был крик тысяч воинов за мгновение до смертельной, яростной схватки, живыми из которой выйдут немногие, за миг до того, когда многоголосый рев потонул в треске ломающихся копий, скрежете мечей, предсмертных хрипах и столах раненых, захлебнулся жалобным ржанием изувеченных лошадей. И все это смешивалось с потоками злого весеннего дождя, нещадно поливающего всех без разбора.

Это было чуть больше года назад, и в тот день тоже была гроза.

За месяц до того умер отец, Великий князь Всеволод Ярославич. Его упокоили в киевской Софии, а вскоре стольный град приветствовал нового правителя. По праву старшинства великокняжеский стол занял Святополк Изяславич, а он ушел в Чернигов.

И вот месяц спустя они снова вместе. За спиной осталась разлившаяся небывало полноводная Стугна. Справа, над огромным турово-киевским полком, колышутся стяги Святополка. В центре объезжает свои переяславские полки младший брат Ростислав. Слева, оцетинившись копьями, изготовился к бою его черниговский полк. Впереди, за стеной дождя, громадное войско половцев. Самый массовый выход поганых. Нашествие, которого никогда не знала Русь при его отце.

И снова раскаты грома сливаются с грохотом сражения. Крепче всех бился Ростислав. Переяславцы дважды сминали поганых. Пешцы намертво вгрызались в землю, не отступая и шага, а дружина лихого Ростислава раз за разом смело бросалась на врага. Черниговцы тоже стояли насмерть, и, стиснув зубы, все плотнее и плотнее смыкали строй, отбивая наскоки половецкой конницы.

Но вот в ходе битвы, в которой смерть, витавшая над полем, сотнями вырывала бойцов и с той и с другой стороны, что-то надломилось. Справа, оттуда, где бился главный полк, на забрызганном кровью коне прискакал один из дружинников Святополка. Гонец принес страшные вести: поганые проломали полк Великого князя и заходят в тыл. Последние резервы не в силах были остановить этот прорыв, и воины Святополка бежали. За ними, пытаясь сохранить

порядок, попятились переяславцы. Боясь попасть в окружение, стали отступать и черниговцы. Но скоро все это превратилось во всеобщее бегство. Отставших половцы секли нещадно, мстя за свои потери, за свой собственный страх.

И снова гром, но теперь в него вливаются другие звуки. Пронзительный визг за спиной, свист догоняющих, рубящих кольчуги и латы стрел. И опять вода. Вода с неба и вода под ногами. Кони с разбега бросаются в мутные волны Стугны. И вдруг среди сотен обезумевших от ужаса людей, среди плывущих коней – лицо тонущего Ростислава: «Брат! Помоги!» Он пытался пробиться к нему, пытался помочь, но холодный, бесчувственно жестокий поток воды разделил их.

Позже тело Ростислава найдут. Привезут в Киев и положат в Софии рядом с отцом. Но лицо брата, исчезающего в водах Стугны, молящего о помощи, будет еще долго преследовать его.

В тот год, побуждаемый ближними боярами и простым людом, Святополк еще раз с остатками дружин и ополчением выйдет навстречу половцам, и на сей раз поражение будет еще более сокрушительным. В тот год после героической обороны падет Торческ, будет разграблено множество сел, без счета сожжено деревень. В тот год сотни, тысячи людей падут от меча кочевников. Еще больше уведут в полон, и потянутся они, сломленные и замученные, длинными караванами на юг. Как измерить человеческое горе? Где предел страданию? В тот год на Руси оно было беспредельно.

Много позже, устав убивать, грабить, насиловать, половцы уйдут. Придет мир. Пусть непрочный, купленный ценой дорогих, больше похожих на дань, подарков, но мир. Эта передышка была необходима Руси как воздух. Перемирие будет скреплено свадьбой Святополка и дочери самого могущественного вождя половцев, Тугоркана. Но мало кто верил, что этот союз будет надежной порукой спокойствия. Теперь поганые, как почувавшие свежую кровь волки, теперь они не оставят мысль о набегах.

И вот, не успела Русь оправиться после прошлогоднего нашествия, как снова дрожит земля от бега половецкой конницы. И снова, как год назад, плач стоит по всей земле, а поганые сеют всюду смерть и страдания. Снова горят деревни и села, и больно видеть с высоких черниговских стен, как дым пожарищ застилает небо. Больно видеть, как гибнут отбивающие атаку за атакой мужественные защитники города. Но еще больнее видеть среди упорно лезущих на стены половцев русских воинов. И очень горько видеть гордо развевающиеся над полчищем поганых стяги двоюродного брата, Олега Святославича. Не в первый, да, видно, и не в последний раз, приводит Олег врага на родную землю.

Вот уже восьмой день в осаде Чернигов. Атаки следуют одна за другой, ненадолго прерываясь лишь ночью, да как сейчас, во время грозы. Многие горожане, спешно вооружившись, бьются на стенах рядом с дружиной. Но есть и те, кто держит сторону Олега. Чернигов – родовое гнездо Святославичей. Здесь хорошо помнят щедрость и ратные подвиги отца Олега, князя Святослава Ярославича. Черниговская знать, среди которой много бывших дружинников Святослава, была бы рада видеть своим князем старшего из его сыновей. И хотя до открытого выступления и предательства пока не дошло, ясно, что долгой осады городу не пережить.

От безрадостных мыслей его отвлек верный Ярун. Белый волкодав, подарок старшего сына, Мстислава, заскучав лежать у двери, подошел и, словно почувствовав что-то, уткнулся своим влажным носом в руку хозяина. Потрепав пса за ухом, он тщетно в который раз уже попытался отогнать прочь горестные воспоминания. В это время внизу, где на страже стояли дружинники, раздались голоса, а затем заскрипели под кем-то ступени лестницы.

Короткий стук, дверь отворилась, и первой в дверном проеме показалась голова ближнего боярина, воеводы Фомы Ратиборовича.

– Прости что потревожил, княже. Можно?

Ярун зарычал было на непрошеного гостя, но, узнав своего, приветливо завилял хвостом.

– Заходи, боярин, – вслед за головой в комнату, согнувшись в двери, вошел весь Фома Ратиборович. – Половцы?

– Нет, княже, нет. Пока гроза, они не сунутся. Тут, княже, дело-то другое, – воевода мял в руках шапку, с наброшенного поверх доспехов плаща стекала вода. – Тут, Владимир Всеволодович, мужи черниговские собрались. Милости твоей просят. – Боярин замолчал, но, видя, что князь, ожидая, смотрит на него, будто чувствуя в том свою вину, быстро закончил. – Хотят, княже, с тобой говорить. Хотят просить тебя оставить Чернигов.

Ну вот и все. А за окном все так же грохотал гром, и, шумно стуча по крыше, даже и не думал переставать дождь.

Глава 1

Вставало солнце. Первые лучи его пробились сквозь плотную завесу грозowych туч и осветили лес по берегам Днепра. Под сенью склонившихся деревьев Великая река неспешно, словно не желая покидать этих мест, несла свои воды на юг и так не походила на саму себя у порогов.

Сидя на высокой корме ладьи и наблюдая за слаженной работой новгородской дружины, Ратша еще раз добрым словом вспомнил Добрыню Рагуиловича. Не зря мудрый воевода советовал именно этот корабль – новгородцы отлично знали свое дело. Они проявили себя уже в самом начале пути, на Ильмень-озере, а на волоках их опыт и умение позволили сэкономить уйму времени. Но и сейчас, когда до Киева плыть оставалось лишь несколько дней, рассвет заставал их уже в дороге.

Старшим у новгородцев был Тихон, человек, много повидавший, закаленный долгими плаваниями. Он стоял у рулевого весла, расположенного на варяжский манер по правому борту, и правил на середину реки, где течение помогало гребцам. Двенадцать пар весел одновременно взлетали над водой, двенадцать пар гребцов, напрягая мощные руки и спины, разгоняли ладью так дружно, что иногда казалось, будто она стоит на месте, а берега проплывают мимо.

За время похода Ратша часто общался с главой корабельщиков и узнал о нем многое. Оказалось, Тихон более двадцати лет бороздит реки и озера Руси, торгует товарами со всего света, даже владеет собственными складами в Новгороде. Его корабли видели пристани не только русских городов, но и Варяжское море, Булгар и Царьград не были новгородскому гостю в диковинку.

Внешне Тихон мало походил на богатого гостя. Его светло-русые с проседью борода и волосы давно не знали гребня. Одежду новгородец носил простую, украшений не признавал вовсе, и только дорогое, в серебре оружие выдавало в его облике купца или боярина.

Дружина Тихона насчитывала три десятка человек. Это были опытные корабельщики, неутомимые гребцы, а когда нужно – и воины. Они беспрекословно подчинялись своему предводителю, и все его приказы выполнялись быстро и усердно. Ратша с завистью подумал, что немногие воеводы и даже князья могут похвастать такой дисциплиной среди своих воинов. Правда, вряд ли кто-нибудь из знатных дружинников и гостей может так, как Тихон, запросто, сесть за весла и грести наравне со смердами. Да и кормить самим, как в старину, давно уже не считалось на Руси достойным бояр занятием. Однако, любуясь по-настоящему братским духом, царящим в ладье Тихона, Ратша находил, что неплохо было бы возродить многие всеми давно забытые традиции.

Громкий хлопок прервал размышления Ратши – новгородцы ставили парус. Трое дружинников подняли и развернули рею, и большое красное с белым полотнище, еще раз оглушительно хлопнув, наполнилось приободрившимся с рассветом ветром. Гребцы с новыми силами налегли на весла, и ладья, и до того шедшая ходко, поплыла еще быстрее.

Тихон передал рулевое весло своему помощнику, пожилому уже дружиннику, а сам перешел на корму.

- Доброе выдалось утро, Ратша Ингваревич! – садясь рядом, сказал глава корабельщиков.
- Твоя правда, Тихон. Славное утро для тех, кто в пути.
- Солнце после грозы – хороший знак, – Тихон, зажмурившись, посмотрел на небо. – Да и ветер, ежели не переменится, поди, разгонит тучи.
- Хорошо бы. Долго ли нам еще плыть?

– С таким ветром, – новгородец бросил взгляд на парус, – с таким ветром мы еще засветло будем в Любече. А завтра, с Божьей помощью, и на веслах дойдем до Медвина. Ну а там уже до Вышгорода и Киева рукой подать.

– Славная у тебя дружина, – Ратша посмотрел на новгородцев – ни один из них, несмотря на поставленный парус, так и не бросил грести. – Честно тебе признаюсь, я и не думал добраться до Киева так рано. Пожалуй, твоя ладья – самая быстрая из всех, на которых мне доводилось плавать.

– Спасибо на добром слове, боярин. По правде говоря, немало найдется ладей и в Новгороде, и в Киеве, не уступающих этой. А вот таких молодцов, как мои, нечасто встретишь, здесь ты прав. С ними можно смело и в варяги идти, и в Царьград плыть.

– Смотри, как бы не переманили твоих молодцов на княжескую службу.

– А чего они не видали на княжьей службе? – Тихон усмехнулся. – Эй, Щекарь! Пойдешь кормщиком к Великому князю?!

– К Великому князю? – Щекарь, тот самый пожилой дружинник, сменивший Тихона за рулевым веслом, хитро прищурился, сверкнув глазами из-под сросшихся на переносице седых бровей. – Эх... Мне бы годков двадцать сбросить, я, глядишь, пошел бы. Отчего бы не пойти?

– Ну вот те раз! Тебе бы годков двадцать сбросить, я б тебя не токмо кормщиком, гребцом не взял! А вы что, новгородцы? Ну? Что скажете? Пойдете вслед за Щекарем в дружину к Святополку?!

– Вот уж спаси Бог! Благодарствуем! – быстрее всех нашелся Ждан, веселый рослый парень, за беззаботный добродушный нрав и звонкий голос прозванный Стрижом. – Уж мы-то, слава Богу, знаем! Насмотрелись мы на тех дружинников еще в ту пору, когда Святополк у нас, в Великом Новгороде, княжил! Ведь у его дружины от великокняжеских щедрот ну только что штаны не падают да животы от голода урчат!

– И верно, – поддержал товарища Григорий, старый, весь седой гребец, один из самых сильных, самых опытных бойцов в дружине. – Ежели даже Жданко, у которого лишь ветер в голове, а и тот понял, что к чему, о чем тут говорить? Да и не слишком долго-то живут дружинники у Святополка, что ни год – война.

– Вот видишь, Ратша Ингваревич, по всему выходит, что не так заманчива служба у Великого князя. Разве что Щекарь польстится, – Тихон добродушно рассмеялся. – Да и тот сбежит в первый же месяц. Потому как наше дело гостевое, и тот, кто однажды вдохнул вольный ветер, уже никогда его не забудет.

– Как и тот, кто стал воином, уже никогда не избудет смерти... – произнес Ратша задумчиво и, нахмурившись, словно это могло отогнать нахлынувшие вдруг воспоминания, замолчал.

– О чем ты, Ратша Ингваревич? – спросил новгородец участливо.

– Да так, ни о чем...

– Полно грустить, боярин, – Тихон сделал вид, что не заметил, как всем телом вздрогнул, словно прогоняя морок, Ратша. – Лучше погляди вокруг. Красотища какая...

А посмотреть действительно было на что. Солнце тем временем окончательно поднялось над рекой, и по широкой глади воды тут и там пробегали золотые блики. Левый берег Днепра был скрыт в дымке тумана, а правый высился вдали могучей стеной леса. Ветер, почти развеявший тучи, нагонял небольшую волну. Великая река завораживала своей красотой, и даже дружинники-гребцы переговаривались вполголоса, словно боясь нарушить величественную тишину этого утра.

Какое-то время они плыли молча. Слышен был лишь плеск воды за бортом да нещадно скрипели весла.

– Давно ли ты был в Любече, Ратша Ингваревич? – первым нарушил молчание Тихон.

– Года два назад. А что?

– Так значит, ты еще не видел нового детинца? Того, что выстроили по велению князя Владимира Всеволодовича?

– Нет. В ту пору его только начинали возводить на месте прежнего.

– Ну тогда тебе будет на что посмотреть! Уж поверь мне, я много видел разных городов и крепостей. Надежнее и краше замка Мономаха во всем белом свете не сыщешь.

– Я тоже слышал, что детинец в Любече вышел на славу. Но так ли он крепок, как о нем говорят? Немецкие замки или крепости ромеев, они же вообще сплошь из камня, а ведь немало их пало после штурмов или не выдержало осад.

– Видел я, Ратша Ингваревич, и немецкие замки, и стены Царьграда, да и другие города греков. Ну и что, что они из камня? Наши дубовые срубные стены не уступят любым каменным. Да чего уж там, сами греки, немцы да и другие заезжие купцы, уж кого только в Любече на торжище не бывает, признавали, что такого замка они отродясь не видывали.

– И все же, о крепости можно судить лишь после того, как она выдержит осаду. Избави, Господи, Любеч от этого! – Ратша перекрестился. – А ты часто бываешь в Любече? – спросил он после небольшой паузы.

– Обычно раз или два за год, как пойдет, – ответил Тихон. – В прошлом году почти все лето только там и торговали, до Киева даже не дошли.

– Из-за поганых?

– Из-за них. Все лето никакой торговли не было, а идти в греки было боязно, уж слишком много половцев стояло по Днепру.

– Да, тяжкий год был на Руси...

– Худой год... – Тихон тягостно вздохнул. – А отчего? Не оттого ли, что наш Святополк, Великий князь, вновь развязал войну? А? – Новгородец замолчал, как будто сдерживая себя, но видно было, что, затронув эту тему, Ратша задел корабельщика за живое. – Ты меня прости, боярин, что я при тебе тут такие разговоры веду, ты ведь на княжьей службе. Но все ж, ответь мне: что, нельзя было избежать войны? Ведь жили же мы при Всеволоде Ярославиче последние годы мирно?

– Может быть, и можно было... – Ратша удивленно посмотрел на Тихона, за всю долгую дорогу новгородский гость не заводил подобных разговоров.

– А разве не Святополк посадил в поруб половецких послов? И разве не оттого Тугоркан привел такие полчища поганых? – Ратша лишь молча кивнул, поражаясь осведомленности новгородца. – А отчего наш Великий князь послов схватил? Не оттого ли, что казну пожалел, а?

– Знаешь, Тихон, уж ежели говорить начистоту, то половцы все равно пришли бы войной. Уж очень подходящий момент настал для поганых, когда умер Всеволод Ярославич.

– Может, ты и прав, боярин, может, ты и прав. Но такого нашествия не было бы, если бы Святополк не схватил послов Тугоркана. Да и после этого еще, наверное, можно было откупиться. Но не таков наш Великий князь! – новгородец презрительно усмехнулся. – Он никогда не пойдет на уступки поганым! И не потому, что храбр, а потому, что за ногату удавится! Уж мы с ним в Новгороде пожили, знаем!

Разговор прервался. Тихон, сердито отвернувшись к борту, еще долго ворчал, а Ратша, в глубине души понимая, что корабельщик во многом прав, молчал, обдумывая сказанное.

Река тем временем круто изгибалась вправо, и из-за поворота, скрытый до того за поросшим лесом берегом, показался большой корабль. Со спущенным парусом, на веслах, он шел им навстречу.

– Ладья впереди! – раздался запоздалый крик дозорного.

– Суши весла! – скомандовал, вставая, Тихон. – Щекарь, держи ближе к берегу! Григорий, Фрол, убирайте парус! Интересно, кто это?

Дружинники быстро убрали весла, спустили парус, и ладья новгородцев, хоть и продолжала скользить по волнам, но уже все больше и больше замедляя ход. Команда во главе с Тихо-

ном столпилась на носу. На встречной ладье их тоже заметили, и теперь, продолжая грести только так, чтобы их не сносило вниз по течению, поджидали новгородцев.

Ратша поднялся, пристегнул к поясу меч в ножнах и перешел на нос. Теперь он мог лучше разглядеть незнакомый корабль. Тот был длиннее и шире новгородской ладьи, и гребцов на нем было явно больше. На носу и корме встречного судна были надстроены палубы, между которыми был натянут тент, укрывавший главную палубу и гребцов. Нос ладьи украшала искусно вырезанная голова змеи.

– Варяги, – заключил глава новгородцев. – Должно быть, свевы или даны.

– Скорее всего, свевы, – поддержал Тихона Григорий. – И корабль сильно нагружен!

– Щекарь! Правь ближе к ним! Они плывут из Киева иль даже из Царьграда, узнаем у них, какие новости. Фрол! Ждан! Григорий! Весла на воду! Как поравняемся, гребите против стрегня, вровень с ними. Петр! Добр! Нежата! Приготовьтесь к обороне! Вряд ли нам что-то грозит, хотя кто знает, что у тех варягов на уме.

Новгородцы кинулись исполнять приказания Тихона. Дружинники спешно разобрали оружие, многие облачились в доспехи из толстой сыромятной кожи с нашитыми металлическими пластинами, у некоторых были даже кольчатые брони. Ратша вернулся на корму и тоже приготовил броню и шлем, но надевать их пока не стал. Корабли почти поравнялись друг с другом.

На носу встречного судна во весь рост поднялся высокий воин. Ветер распахнул полы его голубого корзна, и кольца брони сверкнули на солнце. Незнакомец поднял руку в молчаливом приветствии. Тихон в свою очередь поднялся на самый нос ладьи и помахал рукой в ответ.

– Приветствую тебя! – произнес новгородец.

– Приветствую тебя, русич! – громким голосом с северным акцентом ответил воин. – Я Эмунд, сын Магнуса. Со мной мой младший брат, Эйрик, и мои гирды. Кто ты и твои люди?

– Меня зовут Тихон. Я гость из Новгорода. Со мной моя дружина. Мы плывем в Киев.

– Вы плывете из Хольмгарда? – переспросил варяг.

– Да, а вы?

– Мы гостили в Киеве, теперь возвращаемся домой, в Сигтуну.

– Вам стоит поторопиться, если хотите вернуться домой до холодов.

– Спасибо за совет. Но мы, скорее всего, останемся зимовать в Альдейгюборге, в Ладогe, – поправился варяг. – В Сигтуну мы пойдем уже весной.

– В Копысе мы видели корабль свевов. Их ярла зовут Олаф Сигурдссон. Они плывут в Бирку и надеются успеть до зимы. Возможно, вы сумеете догнать их.

– Я знаю Олафа... – Ярл обернулся к своим воинам и сказал несколько слов по-варяжски, те ответили ему радостными возгласами. – Благодарю тебя, русич, за хорошие вести! Нам стоит поспешить, чтобы получить в попутчики такого славного викинга, как Олаф. Боюсь только, мне нечем порадовать тебя в ответ. Мои новости будут не самыми лучшими.

– Порой худая весть важнее радостной, – нахмурившись, изрек Тихон. – Говори, ярл!

– Ниже по течению мы видели половцев, они осадили Любеч. Говорят, еще они пожгли Чернигов, и много деревень, и города по Десне. И еще... – варяг на секунду замолчал. – Говорят также, что половцев привел конунг Ольг, сын Святоцлейва.

– Видит Бог, нет хуже вести, чем война, – услышав страшные новости, угрюмо произнес новгородец. – Но все равно спасибо тебе, ярл. Случиться зимовать у нас в Новгороде, мой дом будет открыт для тебя.

– Я буду рад воспользоваться твоим гостеприимством, русич. Приезжай гостить к нам в Сигтуну.

– Благодарю тебя, ярл! Даст Бог, свидимся!

– Удачи тебе, русич! Прощай!

Варяги налегли на весла, новгородцы поставили парус, и скоро корабль свефов скрылся за поворотом реки.

Долгое время после встречи с варягами русичи шли под парусом. Гребцы отдыхали, обсуждая нашествие половцев, последними словами ругали Олега. Тихон, сменивший Щекаря за рулевым веслом, стоял мрачнее тучи. Ратша с угрюмым видом сидел на корме и задумчиво вглядывался во все еще окутанные туманом смутные очертания левого берега Днепра, словно ожидая увидеть спускающихся к воде половецких всадников.

Ближе к полудню, когда солнце поднялось уже так высоко, что стало по-настоящему жарко, пейзаж за бортом стал меняться. Лес на высоком правом берегу Днепра все больше и больше отступал от реки, уступая место возделанным полям, среди которых все чаще стали встречаться села, небольшие верви, и даже на левом, заболоченном берегу иногда попадались рыбацкие деревеньки. В одном из таких поселений, пять-шесть жилых изб, новгородцы бросили якорь.

О половцах здесь еще не слышали. Местные жители занимались рыбной ловлей и охотой, свою вервь покидали редко, и новости стороной обходили их окруженное болотами поселение. Поэтому новгородцы, подгоняемые Тихоном, быстро перекусили, и, не задерживаясь здесь более, продолжили свой путь на юг.

Но уже в следующем селении, где они позднее остановились, большой деревне на правом берегу Днепра, о нашествии знали, а еще позже новгородцы встретили идущую в Смоленск ладью киевских гостей, которые, как и варяги, видели половцев. Кияне рассказали, что кочевники большой силой стоят под Любечем, а отдельные отряды поганых даже переправились на правый берег и осадили Лоев, хорошо укрепленную крепость, стоящую напротив места впадения в Днепр реки Сож.

А вскоре новгородцы и сами увидели следы нашествия кочевников – сожженную деревню на правом берегу и большой столб черного дыма, поднимающийся в небо над пепелищем.

Второй раз за день дружина Тихона, спешно вооружаясь, готовилась к бою. Новгородцы храбрились, разбирая оружие, солнце весело играло на бронях воинов. Но только парус, потеряв ветер, затрепетал тревожно, и как-то особенно тоскливо закрипели весла, когда ладья повернула к берегу.

Глава 2

Деревня, в которой жили Воица с матерью, стояла на высоком берегу Днепра. Три десятка домов раскинулись над обрывом, а дальше, до самого леса, тянулись огороды, выгоны для скота, пашни.

Самый большой двор, княжьего тиуна Димитрия, стоял особняком у леса и был обнесен высоким частоколом. Здесь останавливались князьи сборщики, сюда мать Воицы, как и все жители деревни, приходила сдавать оброк, здесь же тиун именем князя вершил суд. Но для Воицы этот двор значил гораздо больше, ведь здесь жила Ждана, дочь тиуна Димитрия, первая и, как он тогда думал, единственная его любовь.

Сам Воица жил вместе с матерью в небольшой полуземлянке над рекой. Отца своего он не помнил, тот умер во время мора, когда Воица был еще совсем маленьким. С тех пор мать растила его одна – храня память об отце, она так и осталась вдовой.

Жили бедно, едва сводя концы с концами. Иногда приходилось совсем худо, и тогда соседи всем миром помогали им. Воица часто видел, как плачет мать по ночам. В бедности и тяжелом труде жизнь состарила ее раньше времени, и только сын, такой же светловолосый и голубоглазый, как и его покойный отец, стал для несчастной женщины настоящей и единственной отрадой в жизни. А теперь еще и кормильцем в семье.

В свои неполные шестнадцать лет Воица наравне со взрослыми работал в поле и ходил на охоту. Был он высок и статен, и многие деревенские девушки уже заглядывались на него, но надо ж так было случиться, что ему приглянулась Ждана, дочь тиуна. И хоть в последнее время дела их с матерью пошли на лад, в прошлом году купили они корову с теленком, были у них теперь и куры, двор их все еще считался самым бедным в деревне, и тиун Димитрий даже слышать ничего не хотел о том, чтобы отдать свою дочь за Воицу. Пусть и просили его о том и мать Воицы, и многие соседи, сватов посылали, тиун остался непреклонен и велел холопам гнать голодранца взашей и на двор не пускать.

Немало горьких слез пролила красавица Ждана, но перечить отцу не смела. Воица же ходил все дни как в воду опущенный. Думал даже вовсе уйти из дома, пойти воем к Великому князю – слышал он, тот набирает охочих людей для защиты южных границ от кочевников. Но как уйдешь? Мать бросишь? А мать его плакала вновь, но теперь украдкой, жалея сына, но помочь ему ничем не могла.

От обиды, от переживаний Воица осунулся, стал мрачным, угрюмым, надолго уходил в лес на охоту. Представлял себе, как выкрадет возлюбленную и уедет с ней далеко-далеко, за тридевять земель, в Тмутаракань или Корчев. Как вернутся они оттуда разбогатевшими, и как поклонится ему, признавая свою вину, гордый тиун Димитрий.

Целыми днями Воица работал за двоих, находя в том слабое утешение, а по ночам неумело молился, прося грешным делом у Господа хоть каких-нибудь перемен. Но даже и не думал он, какие перемены ждут его в самом ближайшем будущем. А принес их на хвосте своего коня гонец из Мохова.

Посланец прискакал вечером, когда пастухи уже загоняли скотину по дворам. Молодой парень, красуясь на вороном скакуне, взбаламутив всех, как угорелый пронесся по улице, осадив коня возле двора тиуна. Гонец принес весть о нашествии половцев. Слава Богу, поганые еще не перешли на этот берег Днепра, но в Мохове и Лоеве уже собирали ополчение, чтобы дать отпор врагу. Тиуну Димитрию, как и всем управителям окрестных деревень, надлежало в кратчайшие сроки отправить в Мохов обоз съестного припаса.

Наутро, собирая в дорогу три больших телеги с продовольствием, жители деревни только и говорили, что о набеге половцев. Думали и гадали разное. Кто-то говорил, что бояться нечего,

поганые на этот берег не сунутся; кто-то считал, что нужно готовиться к обороне. И те и другие с ненавистью поносили приведшего врага на отчужденную землю князя Олега.

Тиун Димитрий, надо отдать ему должное, большую часть обоза собрал из своих кладовых. Наконец в сопровождении возниц и воев телеги отправили в Мохов. А через три дня нагрянули половцы.

К тому времени почти все уже успокоились. Как назло, накануне был еще один гонец с вестью, что поганые перешли на этот берег и даже осадили Лоев, но были отброшены обратно за реку, а до Мохова так и не дошли. И вот, как гром среди ясного неба, они обрушились на деревню.

В то утро Воица с рассветом ушел в лес проверить помеченные им накануне новые борти. Возвращался домой около полудня, борти оказались полны меда. Ярко светило солнце, пели птицы, и на душе у Воицы впервые за последнее время было тепло и радостно. Представляя, как обрадуются меду мать и Ждана, он забыл о голоде, усталости, не замечал распухших, немилосердно искусанных пчелами рук. В то утро дорога домой была ясной и праздничной. Кажется, сама жизнь улыбается ему сквозь зеленую листву. Но все это в одночасье рухнуло.

Заслышав крики, Воица что было сил рванулся к дому. Деревня уже горела. По улице с воплями проносились половецкие всадники, рубили саблями, кололи копьями пытающихся сопротивляться, арканами ловили убегающих. Поганые хватали все, что можно унести, угоняли скотину, врывались в дома, на ходу грабя, насилая.

На глазах у Воицы всадник в блестящей на солнце броне догнал двух убегающих женщин, пожилую и совсем еще юную. Не раздумывая, рубанул саблей старуху, и та, всплеснув руками, повалилась в траву. Догнав девушку, половец прямо с седла прыгнул ей на спину, свалил на землю и, придавив коленом, не обращая внимания на плач и визг, принялся рвать на ней одежду.

Руки Воицы задрожали от ярости. Он хорошо знал этих женщин. Пожилая, тетка Анисья, часто помогала им с матерью, а ее внучке не было еще и пятнадцати.

Внутри у Воицы все сжалось, он всем телом ощутил, что значит страх. Господи, да что же это?! Девушка визжала и звала на помощь. Воица чуть было не сбежал, он даже обмочил штаны, но вдруг как будто что-то лопнуло в его груди. Глаза заволокло кровавой пеленой. Он еле удержал крик и, до крови прокусив губу, дрожа всем телом, сделал первый шаг, затем еще, еще, и, наконец, схватив то первое, что подвернулось под руку, тяжелую дубину из рассыпанной поленицы, рванулся к половцу.

Тот лишь в последний миг, услышав шум, как кошка обернулся, но тотчас же рухнул, получив удар, в который Воица вложил всю свою ненависть, всю свою ярость, весь свой гнев. Кочевник попытался еще встать, поднялся на колени, но второй удар поверг его на землю, палка с треском обломилась, и в руках у Воицы остался окровавленный обрубок.

Половец не двигался, а девушка все продолжала плакать и кричать, сучить руками и ногами. Воица схватил ее за шиворот, рывком поставил на ноги и потащил прочь. Она вся тряслась и билась, но сопротивляться, слава Богу, перестала. Проулком бежали к огородам, за ними начинались спасительные деревья.

– В лес! Беги в лес! – подтолкнув ее, закричал Воица. Огромные заплаканные глаза испуганно уставились на него. – Беги! – Он хорошенько встряхнул ее за плечи. – Скорей! Ну! Давай же! Беги отсюда! – как только мог громко в лицо ей рявкнул Воица. Наконец она побежала.

Он снова кинулся к дому. Только бы успеть! А он даже не подобрал саблю того половца. Неважно! Только бы успеть! Мама, мама! Господи, спаси и сохрани!

Мать лежала на пороге курятника лицом вниз. Кровь из раны на шее забрызгала все вокруг, смешалась с травой, куриным пометом.

Воица упал на колени рядом с телом матери и, не в силах сдержать рыданий, уткнулся лбом в еще теплую спину той, что любила его больше жизни, но которой уже никогда не вернешь.

Господи, за что?! Почему она? Всю жизнь она только и делала, что работала как проклятая, чтобы накормить, одеть, обуть своего сына. Мама, ну зачем было спасать этих насекомых? Бежала бы в лес! Но разве могла она бросить с таким трудом нажитое добро? И как жестока смерть, настигшая ее в этот момент. Горе и отчаяние переполняли Воицу. Он сидел возле матери и как беспомощный ребенок плакал, размазывая по лицу перепачканными в крови руками слезы.

Мысль о Ждане заставила его очнуться. Что с ней? Удалось ли бежать? Воица представил себе, какая участь ожидает ее, попади она в руки половцев, и волосы у него на голове встали дыбом. Он вскочил и бросился в дом в поисках какого-нибудь оружия.

Здесь все было перевернуто вверх дном: то, что не смогли унести кочевники, было разрушено и растоптано. Воица заметался по землянке и тут вспомнил, что под навесом, за дровами, должен быть топор. Он выскочил во двор.

Слава Богу, топор был на месте. Схватив его, Воица побежал к дому тиуна.

* * *

Новгородцы шли, изготовившись к бою, но врага так и не встретили.

Деревня выгорела почти дотла, лишь кое-где на месте домов еще продолжали дымиться развалины. От гари и копоти было трудно дышать, жар стоял невыносимый, и дружинники Тихона стали снимать доспехи и брони.

– Никогда не торопись снимать броню, – напомнил Ратша.

Тихон, вняв совету более опытного в ратном деле боярина, велел своим дружинникам быть начеку, Григория же с несколькими воинами отправил в дозор, на опушку леса. Новгородцы принялись осматривать пепелища, выносить и складывать на траве тела павших.

Судя по всему, половцы ударили неожиданно и врасплох застали жителей деревни, многие из которых приняли смерть на пороге собственного дома, безоружными. Только у леса, где за высоким частоколом догорал большой дом, русичи дали отпор поганым. Возле разбитых, сорванных с петель ворот застыли тела троих защитников деревни и одного половца. Земля здесь потемнела от крови. Дальше, во дворе дома, бой, видимо, был еще более жарким. Там новгородцы нашли трупы еще четверых русичей и двоих кочевников.

– Наверное, это двор старосты или тиуна, – сняв шлем и вытирая пот со лба, сказал Тихон.

– Вот нехристи! – Ждан, молодой дружинник, веселивший всех в ладье, сейчас как-то сразу на глазах повзрослевший, зло сплюнул. – Даже мертвых обобрали.

– Так всегда на войне, – мрачно изрек кто-то.

– Поганые торопились, – осматривая место боя, произнес Ратша. – Обычно они не бросают трупы своих воинов.

– Нам нужно спешить! Они могут вернуться! Щекарь! Возвращайся на корабль, готовьтесь к отплытию! – приказал Тихон. – Ждан! Беги к Григорию, осмотрите лес вокруг, может, найдете тех, кому удалось спастись! Фрол, ребята! Ищите кирки, лопаты! Нужно похоронить павших!

Новгородцы отправились на поиски инструментов. Вскоре принесли кирки, заступы, принялись копать скудельницы.

Земля еще не просохла после последних дождей, и работа продвигалась медленно. Двадцать шесть жителей сожженной деревни, принявших смерть от руки кочевников, ожидая, лежали в ряд. Наконец один за другим тела несчастных опустили в две большие могилы.

Кроме троих мертвых половцев, найденных во дворе дома тиуна, дружинники Тихона обнаружили тело еще одного кочевника. Трупы поганых сбросили в овраг у леса, придавили камнями.

Григорий с воинами обшарили все в округе, но так и не встретили ни одного уцелевшего после нападения жителя деревни. Тщетно новгородцы прочесывали лес, напрасно кричали, никто так и не отозвался.

– В лесу полно следов, – рассказал Григорий, – наверняка кто-то выжил и избежал полона. Но они напуганы до смерти, разбежались да попрятались.

– А что половцы? – спросил Тихон.

– Их след уходит на юг, вдоль реки.

– Сколько их было, как думаешь?

– Не меньше сотни, это уж точно, – старый воин устало опирался на внушительного вида секиру. – Кроме того, они вели полон и гнали скот. След отчетливый, с такого не собьешься.

– Может, догоним их?! – предложил Ратша.

– Они ушли уже далеко, – возразил Тихон. – И их больше.

– Они идут с полоном, медленно! И нас они не ждут! Если ударим разом, неожиданно, – Ратша сжал рукоять меча, – за все отомстим нехристям!

– Если даже мы догоним их и нападём внезапно, все равно лишь уравнием шансы. Слишком многие погибнут! – Тихон посмотрел в глаза Ратше, и голос его дрогнул. – Смирись, друг. Мы торговый люд, не воины. Идем, нам нужно возвращаться на корабль!

Новгородцы покидали разоренную деревню. Ратша в последний раз окинул взором дымящиеся останки домов, наспех сколоченные кресты на могилах, и почувствовал вдруг, как защемило сердце.

Год назад поганые сожгли его усадьбу под Вышгородом – на месте цветущей, некогда богатой деревни Ратша застал лишь развалины. В огне пожара погибло все, что было дорого его сердцу, все, что напоминало ему о той, которую когда-то он любил больше жизни. С мечом в руке встретил смерть его единственный сын, Ратша не успел ни спасти его, ни отомстить за его гибель.

Тогда, как и сейчас, половцы ушли безнаказанно. И как сейчас, лишь ветер далеко вокруг разносил дым над пепелищем.

В этом году его сыну исполнилось бы семнадцать. Смахнув слезу, Ратша взошел на борт ладьи.

Новгородцы разбирали весла, ставили парус. Жизнь продолжается, нужно плыть дальше. Ладья медленно набирала ход.

* * *

Воица едва держался на ногах, каждый шаг давался с огромным трудом, болью отзываясь во всем его избитом теле. Раскальвалась голова, из ссадины на лбу сочилась кровь, ручейком сбегая по щеке. Руки, туго стянутые за спиной, затекли, онемели.

Отдыхать поганые не давали, еды и воды тоже. Пленные русичи шли связанные по пять человек, друг за другом. Шли, пошатываясь, словно пьяные, из последних сил, только бы не упасть. Падать нельзя. Упадешь, будут бить плетью, заставят подняться. Не встанешь, добьют без жалости.

За этот день Воица сполна насмотрелся на зверства половцев. И в деревне, когда поганые, пресытившись грабежом, издеваясь над пленными, насиловали жен на глазах мужей. И после, когда кочевники, не раздумывая, порубили стариков и детей, всех, кто не выдержит тягот пути, за кого немного дадут на невольничьем рынке.

Никогда не забыть Воице всех ужасов этого дня. Не забыть притороченную к седлу одного из половцев отрубленную голову молодой девушки. Не забыть пробитую длинной стрелой просто так, забавы ради, собаку на околице. Не забыть спаленного дома, смерть матери, друзей, соседей. Не забыть Ждану, гордую дочь тиуна, которая предпочла страшную смерть в огне позору и бесчестью. Всего этого Воице не забыть никогда. И он никогда этого не забудет! И никогда не простит этого поганым, которых так быстро научился ненавидеть!

Мимо, обгоняя вереницу пленных, проскакал десяток половцев. На крепких степных лошадях, в доспехах, даже в жару не снимают, сволочи, за спиной круглые щиты, в руках длинные копья.

Ехавший первым, немолодой уже и, судя по дорогим доспехам и богатой упряжи, знатный воин осадил своего коня, пропуская вперед остальных. Привстав в стременах, кочевник недовольно оглядел растяннувшуюся колонну – кроме пленных, захваченных в разоренных деревнях, половцы гнали большое стадо скота, замыкали же шествие несколько тяжело груженных подвод. Всадник зло прикрикнул на караульных, и те принялись рьяно погонять совсем уже обессиливших русичей, яростно защелкали плети.

Удар, пришедшийся поперек спины, казалось, перешибет его пополам. В глазах у Воицы потемнело, он покачнулся, задохнувшись, судорожно хватая ртом воздух. Ноги, уже не слушаясь, подкосились, Воица понял, что падает.

– Держись, парень, – шедший впереди русич, подставив плечо, помог ему устоять на ногах. – Держись, скоро передохнём.

Воица не знал его имени. Невысокий, но очень крепкий, с широченной спиной, сильными, большими руками, такие руки были у деревенского кузнеца Захара, этот русич напоминал тура. Он попал в плен раньше Воицы, и доставалось ему гораздо больше, но русич был словно высечен из камня. От удара плетью по голове, намного сильнее того, который едва не свалил Воицу с ног, он даже не пошатнулся. Таким ударом можно было бы убить на месте, русич же лишь сильнее вжал голову в плечи. На счастье, второго удара не последовало, половец проехал мимо, продолжая избивать других пленников.

– Спаси Бог! – кое-как восстановив дыхание и уняв дрожь в коленях, с трудом произнес Воица.

– Пустое. Не за что, – русич обернулся, и на сей раз Воица успел уже лучше рассмотреть своего невольного спутника.

До этого времени они шли, подавленно храня молчание, поганые запрещали пленникам разговаривать. Поэтому, привязанный последним, Воица не замечал ничего, кроме широкой спины, могучих плеч да черных, как вороново крыло, волос незнакомца. Теперь же главное, что привлекло внимание Воицы – пронзительные, темно-синие глаза русича. И дело было даже не в необычном цвете самих глаз, а в том, как при взгляде они словно проникали в душу, будто видели тебя насквозь.

На вид незнакомцу было лет тридцать, хотя, возможно, он был и младше. Все лицо его было разбито, видно было, что половцы не скупались на побои, такая же черная, как и волосы, борода слиплась от крови.

– Боятся, выблюдки! – тихо, стараясь не привлекать внимание охранников, произнес русич. – Видно, наши близко!

– Вторая сторожа уже, – хрипло, он все еще не мог отдышаться, прошептал Воица, глядя вслед ускользавшим вперед половецким воинам.

– Сам-то откуда будешь? – спросил незнакомец.

– Из Холмеча.

– Это та деревня, что сегодня пожгли? – русич снова обернулся, покачал сочувственно головой. – Звать-то тебя как?

– Воица. При крещении Андреем наречен, – поправился он.

– А я – Твердибой. Не крещен вовсе. – Воица с удивлением посмотрел на странного русича, который, похоже, гордился тем, что он язычник. – Нас всех, – Твердибой кивнул на идущих перед ним пленников, – под Лоевом полонили. Три дня как уже.

– А куда нас теперь?

– Известно куда! – русич еще раз обернулся, синие глаза печально взглянули на Воицу. – В полон!

Мимо, едва не затоптав пленных русичей, пронеслась еще одна сторожа.

Дорога, по которой шел отряд, проходила через лес, берегом Днепра, временами подходя так близко к реке, что сквозь листву проглядывала гладкая поверхность воды. Солнце, хоть и начало клониться к закату, стояло еще высоко, было жарко, пот ручьем стекал по спине. Во рту у Воицы пересохло, жажда мучила невыносимо, а за деревьями, совсем рядом, Великая река так неспешно катила свои волны на юг, и свежий ветер надувал большой, красный с белым, парус одинокой ладьи.

Глава 3

Красное фряжское вино было слишком терпким на вкус, вязало во рту. Ярослав Святославич, удельный князь Рязанский и Муромский, одним глотком осушил кубок и раздраженно отшвырнул его в угол шатра, серебряная чаша глухо ударилась о застеленный дорогами коврами пол.

На шум заглянул постельничий князя, Митяй, но Ярослав махнул унизированной золотыми перстнями рукой, и тот исчез, не осмеливаясь досаждать своему господину, в которого сегодня словно сам дьявол вселился – князь метался в бессильной ярости, срывая зло на всех, кто попадался ему под горячую руку.

С самого утра Ярослав не находил себе места и было отчего. Вот уже семь дней длится осада Любеча, а он так и не решился на приступ. А тут еще половцы, разграбив все окрестности города, снялись и ушли за реку. Разметав подушки, Ярослав поднялся, подпоясался мечом и, накинув на плечи серый походный мятель, вышел из шатра.

Свежий ветер налетел весело, растрепал его длинные светлые, в отца, волосы. Ярослав откинул со лба непослушную прядь и тоскливо посмотрел на так ненавистные ему гордые высокие башни Любеча, на неприступные стены, багряные в лучах заходящего солнца. Он плотнее закутался в плащ.

Вокруг шатра, поставленного на высоком холме, раскинулся стан его воинов. С ним остались около тысячи верных рязанцев и муромцев, да сотни три касогов из большой тмулараканьской дружины брата, Олега Святославича. Ярослав посмотрел направо, туда, где еще вчера, растянувшись до самого Днепра, горело множество костров, где стояли четыре тысячи половецких воинов молодого Итларевича, отправленного вместе с ним завоевывать западные рубежи Черниговского княжества. А где они теперь?

С самого начала осады небольшие отряды кочевников стали переходить на другой берег Днепра. Потом их становилось все больше, больше и наконец главные силы союзников покинули его. Такого не случилось, если бы войском командовал его старший брат Олег. Не случилось, если бы сразу пойти на штурм этих проклятых стен, но он все медлил, никак не мог решиться. И вот остался ни с чем. Без половцев о штурме нечего даже и думать, да и осаду придется снимать, не ровён час, защитники города перейдут от обороны к нападению. И самое обидное, что виноват во всем этом только он сам, он и его нерешительность. Вот и томился Ярослав Святославич от вынужденного бездействия и злился на всех, проклиная и алчных, жадных до грабежа половцев, и неуступчивых жителей Любеча, а больше всех самого себя. И было от этого особенно грустно.

Ярослав шел по готовящемуся ко сну лагерю, дружинники кланялись, приветствуя своего князя. Сзади, держась на некотором отдалении, следовали телохранители, во главе с громадным звероподобным Рудольфом, немцем, служившим еще его отцу.

Свежий воздух немного успокоил его. Сделав небольшой круг, проверив посты, Ярослав вернулся к своему шатру. С помощью Митяя умылся заботливо подогретой водой, вытер руки чистым рушником.

– Созови бояр! – коротко приказал постельничему. – Да подай меду! – при мысли о вине почувствовал горечь во рту. Как только его греки пьют?

В шатре было прибрано. Разбросанные подушки аккуратно сложены на постели, на небольшом столике чистая посуда, в том числе серебряный кубок. Уютно потрескивали в жаровне дрова, пахло благовониями – Митяй постарался. Ярослав усмехнулся, уселся на подушки к столу.

Собственно, чего он бесится? Он молод, богат, в отличие от Олега, у него есть свой удел. Ну подумаешь, ушел Итларевич! И что? Дался ему этот Любеч? Это Олегу нужна земля. Это ему нужны победы. Это его война! Еще неизвестно, каким соседом окажется брат.

– Все готово, княже, – вошел постельничий. Ярослав милостиво кивнул, Митяй негромко хлопнул в ладоши, и тут же забегали слуги, накрывая на длинный и высокий стол, который поставили взамен прежнего.

От аромата всевозможных не по-походному разнообразных яств у Ярослава потекли слюнки. Да, свежий воздух явно пошел ему на пользу, снова усмехнулся он, наблюдая, как слуга наливает в кувшин пахучий забористый мед.

Первым из бояр пришел Арнульф, старый воевода, немец, как и Рудольф. Отцу Ярослава, Святославу Ярославичу, Великому князю Киевскому и Черниговскому, служило много выходцев из Германской земли. Они пришли на Русь вместе с матерью Ярослава, Одой, а после смерти отца многие из них остались с младшим из Святославичей.

Арнульф был среднего роста, но крепкий и кряжистый, как старый могучий дуб. Лицо его, изборожденное шрамами и морщинами, было обрамлено короткой, аккуратно подстриженной бородой, длинные седые волосы заплетены в косы.

– Приветствую тебя, князь, – Арнульф почтительно поклонился, речь его после стольких лет жизни на Руси звучала почти без акцента.

– Здравствуй, Арнульф, – князь сделал шаг навстречу и обнял старика. Арнульф был для него не просто воеводой, он был его наставником, по сути, заменившим отца. Ярослав сам провел боярина к столу, усадил на почетное место, по правую руку от своего больше похожего на трон кресла.

Вслед за Арнульфом стали приходиться и остальные бояре Ярослава: кланялись, отдавали мечи Рудольфу, бывшему еще и княжым мечником, рассаживались на длинных лавках. Последним в шатер влетел чернобородый предводитель касогов Хажимет. Наконец-то все были в сборе.

Ярослав обвел взором сидящих за столом. От этих людей зависит очень многое. Эти люди – его опора, его надежда, его будущее.

Некоторые, подобно Арнульфу, ходили в походы еще с его отцом, других возвысил он сам. Все они не раз доказывали свою преданность, без колебаний выполняя волю князя. Но что они скажут сейчас? Ярослав, словно пытаясь прочесть мысли, заглянуть в душу, внимательно смотрел на своих бояр.

Вот, глубоко задумавшись, нахмурился старик Арнульф. Рядом с ним Игнатий, опытный воин, воевода Мурома. Этот смотрит в глаза князю открыто, без страха. Дальше сидят боярин Поздей с сыном Романом. Оба – лихие рубаки, отчаянные смельчаки, но под взглядом князя потупили взор, им не по сердцу эта война. Сверкает глазами из-под сросшихся на переносице черных бровей Хажимет. Рядом с касогом – воевода младшей дружины, боярин Петр – строг с гридней, скор на расправу, даже на князя своего смотрит сурово. Сопит, отдуваясь, грузный боярин Богша, угрюмо уставился на свои огромные ручки. Ждет княжьего слова Творимир, воевода Рязани, прославленный воин, так же как и Арнульф служивший еще его отцу, ждут его слова бояре Дмитр, Вобей, молодой бесстрашный в сече Андрей Губа. Все они ждут, ну что ж, тянуть дольше нельзя.

– Бояре! – Ярослав гордо выпрямился во главе стола. – Я созвал вас, чтобы решить, как нам быть теперь, – князь помолчал, силясь унять вновь закипающую ярость. – Теперь, – руки, унизанные перстнями, с силой сжали резные рукояти кресла, – когда Итларевич оставил нас. Теперь, – в чуть хриплом голосе князя послышались отголоски свирепых бурь, – когда мы не можем продолжать осаду. Теперь, – Ярослав надменно, с вызовом потрянул головой, – когда нам остается или отступить, или погибнуть, бросившись на эти проклятые стены!

Речь Ярослава произвела впечатление. Бояре с гордостью смотрели на своего князя, даже скупой на проявление чувств Арнульф и тот одобрительно кивнул головой, но никто не торопился высказываться первым. Наконец Творимир прервал затянувшуюся паузу.

– Видит Бог, – боярин сделал жест рукой, словно приглашая в свидетели всех присутствующих, – не наша в том вина, что половцы бросили нас здесь. И нет ничего позорного, если мы снимем осаду. С такими силами Любеч не взять.

– Верно! – поддержал боярина Игнатий. – Любеча не взять, даже если б Итларевич остался, а нас самих было бы вдвое больше.

– Да и не очень-то поганые горят желанием лезть на стены! Куда проще грабить да жечь мирные села! – боярин Поздей в сердцах стукнул кулаком по столу, испуганно вздрогнула посуда, опрокинулся один из кубков.

– Для штурма, – вмешался в разговор Арнульф, – нужны башни, пороки, лестницы. А для осады нужно полностью перекрыть все подступы к городу, в том числе по реке. Для того нужны ладьи, а их у нас нет.

– Посему об осаде, а тем более о штурме, и говорить нечего, – буркнул боярин Богша и снова устался на свои огромные ручищи.

Бояре одобрительно зашумели, но тут поднялся сидевший до этого молча Хажимет. Касог исподлобья покосился на бояр, с укором, вызывающе посмотрел на князя. От взгляда этих пронзительных черных глаз Ярославу стало не по себе.

– Я хочу напомнить коназю, – негромко, с акцентом произнес Хажимет, – что коназ Олег Святославич ждет от нас взятия Любеча. И мы не можем снимать осаду без его позволения.

Взгляд, которым Ярослав одарил касога, мог, казалось, испепелить сами злосчастные стены Любеча, но Хажимет с честью выдержал его, лишь слегка склонив в ответ голову, отчего его черная борода смялась о широкую грудь.

– Позволь тебе напомнить, Хажимет, – в тон касогу с издевкой в голосе ответил князь, – что мой брат Олег Святославич, волею Господа нашего князь Тмутаракани и, возможно, – Ярослав ехидно сделал упор на этом слове, – Чернигова, а я – князь Рязанский и Муромский! – Он едва не сорвался на крик. – И своими полками распоряжаюсь сам! – Ярослав помедлил немного, больше никто уже не решался ему возразить. – Посему велю осаду с Любеча снять! – он гордо посмотрел на безнадежно опустившего голову Хажимета, на одобрительно кивающих бояр. – Завтра поутру, отправив гонцов к Олегу, спешно собираться в дорогу. Мы возвращаемся домой!

– За нашего князя! – первым поднял кубок боярин Поздей. – Слава Ярославу Святославичу!

– Слава!!! – дружно подхватили бояре, звон кубков радостно оповестил о конце похода.

Ярослав, милостиво улыбаясь, с удовольствием выпил со всеми душистого меда, краем глаза заметил, как сверкнул глазами, затаив обиду, предводитель касогов. Ну что ж! Сегодняшний день подарил ему еще одного врага, зато сотни воинов останутся в живых, благословляя своего князя. Но самое главное даже не в этом, а в том, что, оставив в покое Любеч, он не наживет себе двух гораздо более опасных, чем гордый Хажимет, врагов. Врагов, на битву с которыми, битву не на жизнь, а на смерть, все время подбивал его Олег. Врагов, мысль о которых не давала покоя удельному князю Рязанскому и Муромскому с самого начала этого похода, этой чужой войны.

Превосходно вышколенные Митяем слуги бесшумно, словно тени, кружили вокруг стола, наполняли кубки, подносили новые блюда. Пир в княжеском шатре затянулся до самой полуночи.

* * *

Ольбер Ратиборович долго и внимательно разглядывал вновь вошедших – их было двое, лица их мерцали в свете факелов.

Первому на вид было лет сорок или чуть меньше. Среднего роста, скорее худой, нежели толстый. Длинные, с заметной уже сединой волосы, всклокоченная, тоже с проседью, борода. Серые глаза с хитринкой, с таким держи ухо востро.

Одежда незнакомца была самой простой, но добротной. Под черным мятелем петлицы плотной свиты, порты заправлены в отделанные тесьмой сапоги. На кожаном ремне в украшенных серебром ножнах короткий меч.

Второй вошедший был хоть и не моложе первого, но выше и значительно плотнее. Его движения были какими-то вяловатыми, но при этом от него так и веяло уверенной силой. Это ощущение только усиливали правильные, немного грубоватые черты лица и темно-карие пронизательные глаза. Темно-русые волосы незнакомца едва доставали ему до плеч, борода и усы были аккуратно подстрижены.

Одежда этого русича обличала в нем человека если не знатного, то зажиточного. Его серый мятель с капюшоном был подбит мехом, зеленые сапоги богато расшиты, в руках незнакомец держал отделанную мехом шапку. Если первого из этих двоих Ольбер Ратиборович определил как гостя или богатого горожанина, то во втором и по осанке, и по длинному боевому мечу, видневшемуся из-под мятеля, боярин безошибочно распознал воина.

По его знаку дружинники подошли и разоружили незнакомцев. Только после этого Ольбер Ратиборович вышел из тени.

Подойдя, боярин еще раз присмотрелся ко второму русичу. Ему показалось, что он где-то уже видел его, и тот первым подтвердил эту догадку.

– Здравствуй, Ольбер, – раздался такой знакомый, низкий с хрипотцой голос.

– Ратша? – Ольбер Ратиборович подошел почти вплотную и наконец узнал его. – Ну здравствуй, друже! – боярин радостно рассмеялся, заключив Ратшу в объятия. – Какими судьбами в Любече? И кто это с тобой? – ослабив мертвую хватку, спросил он.

– Это Тихон. Гость из Новгорода, – представил Ратша своего спутника. – Мы плывем в Киев. А сам-то ты как здесь оказался?

– Это долгая история, – ушел от ответа боярин. – Эй! Верните им оружие! – дружинники отдали Ратше и Тихону мечи. – Идемте. Я думаю, твой друг не откажется от пары кружек пива или доброго кубка вина.

– Уверен, что не откажется, – Ратша подмигнул Тихону, – хотя сам бы я предпочел мед.

– Ну мед здесь тоже найдется, – Ольбер Ратиборович взял факел и повел их переходами замка. Следом, тоже с факелами в руках, звеня доспехами, шли дружинники.

Была поздняя ночь. Тьма уже давно окутала город, но в самом детинце да, похоже, что и во всем Любече, мало кто спал. В переходах замка тут и там встречались вооруженные воины с факелами, на башнях и стенах перекрикивались часовые. Вся эта летняя ночь была наполнена напряженным ожиданием.

За всю дорогу Ольбер Ратиборович не проронил ни слова. Наконец, когда Ратша уже бросил считать повороты и ступени лестниц, они пришли. Боярин толкнул тяжелую, окованную железом дверь и впустил их в просторную залу, ярко освещенную свечами и факелами, посреди которой за накрытым столом сидели несколько человек.

Ратша осмотрелся по сторонам. Сама комната размером и убранством своим более всего походила на тронный зал, разве что трона тут нигде не было. На стенах всюду были развешаны охотничьи трофеи, множество оружия. Люди, сидевшие за столом, также ели и пили, не снимая

кольчуг и броней. Возле очага, не обращая никакого внимания на вновь вошедших, лежали, наблюдая за жарящейся на вертеле кабаньей тушей, две большие собаки.

Сидящие за столом оторвались от трапезы и почтительно приветствовали Ольбера Ратиборовича, хотя видно было, что все они тоже не простые дружинники. Один из них, высокий худой воин с суровым выражением лица, увидев Ратшу, оскалился, что, наверное, должно было означать улыбку.

– О! Так ведь это же Ратша Ингваревич! Каким ветром тебя занесло в Любеч, друг мой?

– Рад тебя видеть, Дмитр Иворович! – ответил воину Ратша. – Ветром северным, но я бы не сказал, что добрым.

– Как знать, как знать, – многозначительно произнес Ольбер Ратиборович. – Садитесь, – боярин указал Ратше и Тихону на свободные места. – Эй, кто-нибудь! Налейте меда гостям!

Слуга, оторвавшись от жаркого, наполнил кубки душистым пряным напитком.

– За встречу! – Ольбер Ратиборович поднял свой кубок. Все сидящие дружно поддержали тост. – Ну а теперь рассказывай! – выпив, не сказал, приказал боярин.

– Вряд ли я расскажу что-то новое, – Ратша обвел взглядом сидящих за столом воинов. – Мы видели половцев под Лоевом, но город держится. Поганые сожгли несколько деревень на том берегу. Вот и все, что мы знаем.

– Да, негусто... – явно ожидая услышать нечто большее, разочарованно протянул Ольбер Ратиборович. – Поганые были здесь еще вчера, – в свою очередь сообщил боярин. – Хотя на тот берег многие из них стали переходить с самого начала осады. Но сегодня утром за реку ушли почти все, остались только рязанцы Ярослава да касоги, всего около тысячи воев.

– Трусы! – Дмитр Иворович презрительно хмыкнул. – Им только деревни и жечь!

– А что Чернигов?

– Чернигов пал. Владимир Всеволодович сдал город Олегу, сам ушел в Переяславль. Но сеча там была знатная! – Ольбер Ратиборович сказал это так, словно вспомнил что-то приятное.

– Да, – поддержал своего товарища Дмитр Иворович. – Немало поганых побито под Черниговом, Олегу нескоро оправиться после такой победы!

– Много ли войска привел Олег?

– Много, – честно признался Ольбер Ратиборович. – Одних только половцев под восемь тысяч. Да в тмутараканьской дружине Олега около тысячи воев, и это еще не считая касогов, ясов, ковуев да рязанцев Ярослава. Говорят, – боярин покосился на Тихона, но решив, видимо, что новгородцу можно доверять, продолжил, – говорят, что Олегу помог сам Басилевс ромеев, Комнин.

– С огнем играют греки! – зло выдавил из себя Дмитр Иворович. – Забыли, как щиты русичей украшали ворота Царьграда!

– Хитры греки, хитры и многоумны! – в голосе Ольбера Ратиборовича послышалось невольное уважение. – Басилевс ромеев смотрит далеко вперед. Ему гораздо выгоднее видеть на севере грызущихся между собой, как свора псов, князей, нежели единую Русь, как во времена Святослава и Владимира.

– Да, – согласился Ратша. – Царьград вот-вот и сам падёт под натиском норманнов и сельджуков, а все норовит удержать в руках власть над миром.

– Ну ничего! – Дмитр Иворович воинственно насадил на длинный кинжал большой дымящийся кусок мяса. – Мы еще переломим хребет этим подлым грекам!

– Долго ли длилась осада Чернигова? – после небольшой паузы задал вопрос Ратша.

– Восемь дней, – ответил Ольбер Ратиборович. – Олег хорошо подготовился, у него были и осадные машины, и лестницы, но все равно он смог только посад пожечь.

– Добрых пять сотен положил под стенами! – не без гордости вставил Дмитр Иворович.

– Да. И положил бы еще больше, если б не мужи черниговские. Это они упросили Владимира Всеволодовича сдать город.

– Ежели б не они, – с досадой добавил Дмитр Иворович, – не видать бы Олегу Чернигова как своих ушей.

– А что же Великий князь? – не удержавшись, спросил Тихон.

– Великий князь? – Ольбер Ратиборович удивленно посмотрел на новгородца. – Пока это не касается его лично, Святополк вмешиваться не станет! – стараясь не смотреть на Ратшу, ответил боярин.

– Ну теперь-то это касается и его, – недобро усмехнулся Дмитр Иворович, – поганые жгут деревни на том берегу Днепра, а это уже земли Великого князя.

– Уверен, Святополк Изяславич уже собирает полки, чтоб наказать Олега! – с уверенностью, которой у него на самом деле и в помине не было, выступил в защиту своего князя Ратша.

– Возможно, и так! – раздался громкий голос, и в комнату, придерживая рукой тяжелую дверь, вошел человек, при виде которого все сидящие за столом встали и склонились в почтительном приветствии. Ратша и Тихон поспешили последовать примеру остальных.

Перед ними со спокойной улыбкой на лице стоял сам князь Переяславский, Смоленский, Ростовский, Суздальский и до недавнего еще времени Черниговский Владимир Всеволодович Мономах.

Глава 4

– Похвальная преданность! – глядя в глаза Ратше, произнес Мономах. Следом за ним в комнату вошли сразу несколько бояр княжеской свиты, среди которых Ратша узнал старого Ратибора, отца Ольбера, прославленного воеводу и первого советника переяславского князя.

Владимир Всеволодович расстегнул и сбросил покрытый дорожной пылью мятель, оставшись в простой походной одежде.

– Похвальная преданность! – вновь повторил князь. – Жаль только, что не все бывают ее достойны! – Ратша еще ниже склонил голову, не выдерживая взгляда пронзительных голубых глаз.

Мономах пристально оглядел всех находившихся в комнате и неожиданно весело, совсем не как человек, потерявший недавно если не все, то многое, заразительно рассмеялся.

– Что, не ждали меня? – здесь уже не сдержались и бояре свиты князя, даже суровый Ратибор улыбнулся. – То-то же! – продолжая смеяться, Мономах прошелся по комнате, остановился возле очага. – Тепло тут у вас. А ночи уже холодные, – князь погрел над огнем руки. – Сколько у тебя воинов, Ольбер? – вдруг разом став серьезным, спросил он.

– Около трех сотен, княже! – ответил боярин.

– Я привел еще две. Через пару дней Гордятич приведет остальных, всех, кого сможет собрать. Что думаешь? – Мономах пытливо посмотрел на боярина, но про Ольбера Ратиборовича не зря говорили, что его сердце поросло шерстью – ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Думаю, надо напасть на Ярослава, не дожидаясь подхода наших основных сил! – произнес боярин. Ратша заметил, как старик Ратибор с гордостью за сына кивнул головой.

– Верно, Ольбер Ратиборович, верно! – Мономах довольно посмотрел на своего боярина. – Уж если вы не ожидали нашего прихода, то Ярослав и подавно! – князь улыбнулся, затем перевел взгляд на Ратшу и Тихона. – Значит, говоришь, уверен, что Святополк собирает полки? – Ратша еще раз поклонился переяславскому князю. – Как тебя зовут?

– Ратша, княже.

– Ну что же, Ратша. От моего брата у меня секретов нет! Если хочешь, можешь отправляться к нему и рассказать обо всем, что здесь увидел. Только, – глаза князя сверкнули, – не до того сейчас Великому князю, чтобы помогать нам. А ты кто такой? – спросил Мономах, обращаясь к Тихону.

– Меня зовут Тихон, княже. Я гость из Новгорода, – новгородец учтиво поклонился.

– Тихон, гость из Новгорода, – задумчиво повторил Мономах. – Когда-то новгородцы помогли завоевать великокняжеский стол моему деду, Ярославу. Так что я все еще в долгу перед вами, – князь снял с мизинца золотой перстень. – Возьми его как память о князе, который не забывает добра.

– Благодарю тебя, княже. Новгородцы всегда ценили настоящую доблесть и настоящую щедрость, – Тихон поклонился, бояре одобрительно зашумели, оценив и широкий жест своего князя, и достойный ответ купца.

– Княже, дозволю сказать, – испросил разрешения Ратша. Мономах, удивленно посмотрев на него, кивнул. – В прошлом году половцы убили моего единственного сына, сожгли мой дом. Разрешите мне пойти с вами, – на сей раз Ратша, не потупив взора, выдержал пристальный взгляд этих пронзительных глаз.

– Добро! – коротко ответил Мономах, ничем не выдав, что его тронула эта просьба. – Ольбер! Вели разместить и накормить дружинников и, прошу тебя, не наказывай караульных! Ты что же думал, что они не откроют ворота своему князю? – глядя на сердито хмурившего брови боярина, Мономах снова заразительно рассмеялся, но тут же оборвал веселье. – Итак, решено! На рассвете выступаем!

* * *

Ночь выдалась звездной. Осмелевшая луна почти не пряталась за тучи, рассеивая вокруг мягкий струящийся свет. По всему выходило, что завтрашний день будет ясным и солнечным.

Постоялый двор, на котором остановились новгородцы, находился на подоле, недалеко от пристани, и отголоски переключки охраняющих суда сторожей время от времени долетали сюда. Но не они в эту звездную ночь не давали Ратше заснуть. И не мысль о предстоящем завтра сражении – за свою жизнь он прошел множество битв и уже не испытывал того возбуждения, что сводит с ума новобранца накануне боя. Даже мучительные воспоминания, преследующие его последнее время, не терзали Ратшу сегодня. Однако же сон упрямо не шел к нему. Досада и злость на Великого князя, не пришедшего на помощь брату, не выведшего полки против половцев, не вставшего на защиту родной земли, не давали сомкнуть глаз.

Ратша знал, что перед битвой необходимо выспаться, набраться сил, но ничего не мог с собой поделаться. Так и лежал, задумчиво глядя на остывающие в очаге угли, словно их странный узор мог открыть ему тайну стремлений и помыслов человеческих. Лишь под утро Ратше удалось забыться коротким беспокойным сном.

Утром, еще затемно, его разбудил юный отрок из княжьей гридни, приведший рослого боевого коня под богато расшитым седлом – подарок Ольбера Ратиборовича. Ратша быстро умылся ледяной водой из кадки, ночи и вправду были уже холодные, с помощью гридня стал облачаться в доспехи.

Поверх рубахи и плотной – от меча не спасет, но удар ослабит – кожаной безрукавки, натянул тяжелую, франкской работы, кольчугу, туго затянул ремнем. На ноги надел ноговицы, сделанные также из колец, но более легких, застегнул наручи, прикрепил к шлему бармицу.

Тщательно, как человек понимающий, что от этого зависит его жизнь, осмотрел оружие. Проверил, легко ли ходит меч в ножнах, удобно ли висит на поясе короткий с широким лезвием кинжал. Любовно погладил умбон большого круглого щита, натянул тетиву лука, сосчитал стрелы в туле. Наконец, набросив на плечи плащ-мятель, вышел во двор.

Гнедой жеребец, подарок Ольбера Ратиборовича, в темноте испуганно шархнул в сторону, чуть не оборвав поводья, но затем все же дал взять себя под уздцы, а почувствовав крепкую руку нового хозяина, окончательно успокоился.

Еще с вечера Ратша расплатился с новгородцами, но, несмотря на раннее утро, Тихон и многие дружинники вышли проводить его.

Григорий, Фрол, Щекарь, Ждан дружной ватагой обступили Ратшу. Только сейчас, глядя на них, он понял, как будет не хватать ему этих мужественных людей, разделивших с ним все тяготы и заботы долгого плавания.

– Мыждемся тебя, – крепко пожав Ратше руку, произнес Тихон, – после пойдем в Киев вместе.

– Спасибо тебе, друже! – Ратша по-братски обнял главу корабельщиков. – Спасибо вам, новгородцы! – в пояс, большим обычаем поклонился боярин. – Меня не ждите, случиться может всякое. Будешь в Киеве, – не давая Тихону возразить, тихо, почти шепотом продолжил Ратша, – разыщи боярина Славяту. Передай ему эту грамоту, – он достал из-за пазухи и передал новгородцу перевязанный бечевкой свиток. – Это очень важно, Тихон. Многие дорого бы отдали, чтобы прочитать то, что здесь писано. Нельзя допустить, чтобы эта грамота попала в чужие руки. Сделаешь? – Ратша пристально посмотрел в глаза Тихону.

– Это то, из-за чего ты так спешил попасть в Киев? – задал единственный вопрос корабельщик. Боярин молча кивнул в ответ. – Не переживай, друг, я доставлю грамоту, – пряча свиток, пообещал новгородец.

– Спасибо! – Ратша еще раз крепко обнял Тихона. – Пора! – ставя ногу в стремя, произнес боярин. – Скоро рассвет... – гнедой жеребец слегка прогнулся под его тяжестью, когда он опустился в седло.

– Мы пробудем в Киеве до конца лета. После пойдем обратно, – торопливо вслед отъезжающему Ратше заговорил Тихон. – В Киеве остановимся на Подоле, на подворье Саввы-новгородца, ну а будешь в Новгороде, знаешь, где нас найти!

– Прощай, друже! Даст Бог, свидимся!

– Прощай, Ратша Ингваревич! Храни тебя Господь! – Тихон набожно перекрестился, затем быстро, чтобы никто не заметил, перекрестил двух всадников, покидающих постоялый двор.

* * *

Где-то рядом, похоже, на самой опушке леса, заухал филин. С болота, со стороны реки, откуда на берег напознал густой туман, ему ответила выпь. Вот ведь глупые птицы! Почти утро уже, скоро рассвет, а они кричат! Ну не чудно?

Ахсар простоял в стороже всю ночь, но спать не хотелось. Не то что его названный брат Илья, тот уже давно храпит под кустом, уютно закутавшись в свою ветолю. Ну да ничего. Они охраняют лагерь с севера, со стороны леса, этот пост самый дальний от ворот Любеча, откуда здесь взяться урусам? Он, Ахсар, мог бы и сам спокойно спать, но он горец, а значит, воин, настоящий багатур, и, кроме того, ему совсем не скучно, как тут заснешь? Множество мыслей, одна приятнее другой, пролетают в его голове, ему так сладостно мечтается в эту ночь.

Еще год назад он, Ахсар, был всего лишь бедным молодым дружинником на службе у урусов. Он жил в большом торговом городе на берегу моря, греки зовут тот град Таматарха, урусы – Тмутаракань. Отряд легкой конницы, в котором состоял Ахсар, поддерживал порядок на улицах, а кроме того охранял город от нападений кочевников. В него набирали в основном касогов, но было в нем также много и его земляков, ясов или алан, как они сами себя называли. Но немногие из них решились отправиться вслед за князем урусов, Олегом, воевать далекие земли на севере. А он, Ахсар, решил и не прогадал!

Всего лишь год прошел с тех пор, как он был только бедным воином, да и не воином даже, а так, посыльным. Зато теперь он и богат, и славен. Сам Хажимет, грозный командир касогов, отмечает его. И есть за что! Никто не может так лихо, как он, мчаться в седле, яростно размахивая саблей, ничьи стрелы не летят так метко. У него уже два заводных коня, много золота, вернется домой – можно будет и о свадьбе подумать, и старикам родителям помочь, а братья просто лопнут от зависти!

На опушке леса снова заухал филин, вот ведь чудная птица!

Заворочался во сне Илья, его названный брат, беспокойно простонав что-то, снова захрапел. Видно, снится, как он врывается в осажденный город, хе-хе! Ахсар тихонько посмеялся, по-дружески, беззлобно. Илья – хороший парень, из рязанской дружины князя Ярослава. Они уже давно побратались, еще после того, как Илья спас Ахсару жизнь при штурме большого города Чернигова. Но и Ахсар не остался в долгу: в небольшой стычке с урусами, уже после Чернигова, помог отбиться своему другу. Теперь они братья! Жаль только, скоро придется им расстаться – говорят, что князь Ярослав устал от войны и хочет увести свою дружину домой. Обидно, хотя, честно говоря, Ахсару уже и самому надоело сражаться, вот бы поскорее вернуться домой, покрасоваться новой кольчугой, конем, золотом. Только бы еще взять этот город, Любеч. Рассказывали, он сам вчера слышал, что там добра видимо-невидимо! Видно, не врут, вон какие высокие стены да башни понастроили! Да, было бы здорово ворваться в этот богатый город, там много всего есть, только бери, успевай!

Так мечтал Ахсар в эту ночь, такие приятные мысли роились в его голове, когда небо на востоке окрасилось красным. Занималась заря, но даже это не сразу заметил горец, поглощенный столь радужными видениями. Как не заметил он и кое-что еще более важное.

Страшная боль на мгновение ослепила его, и тут уже он понял, что случилось, хотел закричать, но слова вместе с кровью тяжелой жижей шмякнулись из разрезанного горла. Он еще слышал это бульканье, слышал короткий предсмертный вскрик из-за кустов, где лежал Илья, но когда по нему пронеслись, втаптывая в траву, чьи-то ноги, он уже ничего не почувствовал.

Натиск дружины Мономаха был страшен, и сразу стало ясно, что от такого удара воинам Ярослава, несмотря даже на численный перевес, уже не оправиться.

Мономах разделил своих ратников на три отряда. Первый, самый большой, насчитывал около двух сотен пещцов и сотню всадников. Этот отряд вел Ратибор, он должен был напасть первым, со стороны города, и потеснить основные силы Ярослава. Второму отряду, в котором находился и Ратша, около сотни воинов под предводительством Ольбера Ратиборовича, надлежало скрытно обойти врага лесом и ударить как раз там, где стоял в стороже несчастный Ахсар, в тыл рязанцам, тем самым еще более внося беспорядок и сумятицу в ряды противника. А третий отряд, пятьдесят отборных закованных в тяжелые брони всадников, старшая дружина князя, во главе которой встал сам Мономах, наметил свой удар со стороны реки, там, где между болотистым берегом и лагерем Ярослава оставалась полоска ровной земли для разгона конницы.

С первых же минут боя, больше похожего на избиение, воинов Ярослава охватила безудержная паника. Часовые, застигнутые врасплох, толком не сумели поднять тревогу, и очень многие рязанцы приняли смерть, даже не успев хоть как-то изготавиться к битве. Лишь с той стороны, где ударил Ратибор и лагерь был укреплен лучше всего, дружинники Ярослава сумели дать отпор переяславцам. Но когда отряды Ольбера Ратиборовича и самого Мономаха прорвались в тыл оборонявшимся, все было кончено.

Гнедой так и рвался вперед, его даже приходилось сдерживать. В пылу борьбы Ратша уже не терял головы, как в молодости, не бросался в гущу схватки, рискуя жизнью понапрасну. Тем более, когда против тебя не половцы, а такие же, как ты, русичи, рязанцы да муромцы. На его удачу, как раз с тыла, там, где ударил отряд Ольбера Ратиборовича, лагерь Ярослава прикрывали касоги. Около двух десятков из них успели вскочить на лошадей и с гиканьем бросились навстречу русичам.

За секунду до того, когда всадники сшиблись, Ратша еще заметил, как, вырвавшись вперед, Ольбер Ратиборович звериным ударом копыта выбил из седла чернобородого касога в позолоченной броне. Ну а после уже было не до того, чтобы смотреть по сторонам, Ратша врубился во врага.

Первый удар он принял на щит. После, уже краем щита отбил в сторону чью-то саблю и тут же, размахнувшись, нанес страшный удар мечом сверху. Славный клинок, творение рук одного из лучших кузнецов Киева, отсек край щита какого-то касога и, не замедлив движения, жадно напился первой за сегодня крови.

Гнедой жеребец упорно нес его дальше. Прикрываясь щитом, Ратша наотмашь ударил вправо, перерубив по спине еще одного врага. Ну а дальше его оттеснили свои же.

Почти половина касогов полегла, остальные, повернув лошадей, бросились врассыпную, давя по пути тех, кто еще не успел очухаться ото сна и нацепить доспехи. А навстречу им, от реки, уже неслись, сметая все на своем пути, дружинники Мономаха.

На холме, возле большого шатра, принадлежащего, по-видимому, самому Ярославу, рязанцы еще раз попытались сдержать ярость нападающих. Весь цвет рязанско-муромского воинства – старшая дружина, ближние бояре и воеводы, – сплотившись вокруг своего князя, рубились с ожесточением, понимая, что им нечего рассчитывать на милость победителей. Но

даже они, хоть и отбили успешно несколько атак, в итоге дрогнули, не выдерживая напряжения боя, а когда вдобавок ко всему воины Ратибора принялись издали сыпать стрелами, блистательная свита рязанского князя покатила с холма вниз, ища спасения в бесславном бегстве.

* * *

Трудно сказать, кто побежал первым. Так всегда бывает во время боя, когда, казалось бы, только что ты стоял в строю и хоть и из последних сил, но держался, и вот уже летишь вперед, нахлестывая коня, лоя ртом воздух, задыхаясь в такой радостной и пьянящей скачке, в которой победителю достается самый ценный трофей – жизнь. И словно с глаз твоих спадает пелена, и ты, который мгновение назад видел лишь своего противника, вдруг начинаешь замечать, как рядом с тобой умирают люди. Как с грохотом валится наземь подбитый стрелой боярин Дмитр, как испуганно косит глазом оставшийся без седока, но все еще бегущий со всеми скакун. А еще ты вдруг видишь голубое полотнище с вышитым на нем золотым Архангелом и понимаешь, откуда пришла подмога к защитникам города, но от этого не перестает так противно сжиматься внутри, и еще больший ужас охватывает тебя.

Ярослав неистово погонял коня. Около сотни дружинников – все, что осталось от большого рязанско-муромского полка – мчались вслед за ним. Сотня воинов, которым удалось вырваться из этой бойни, сотня воинов, которым стыдно было посмотреть друг другу в глаза. Всего лишь жалкая сотня воинов.

Ярослав смахнул рукой набегающие слезы, отчаяние переполняло его. Как же так? Как случилось, что переяславцы, как снег на голову обрушившись на лагерь Ярослава, разметали, растоптали спящее и не ожидающее нападения рязанское войско? Где же теперь его дружина, его бояре, его воины? Где же теперь его опора, его надежда, его будущее?

Одними из первых пали, пытаясь сдержать натиск ратников Мономаха, боярин Поздей с сыном Романом. В скоротечной схватке на дальнем конце лагеря сложил свою буйную голову чернобородый Хажимет. Пропал где-то боярин Богша, геройски погиб, бросившись в самую гущу боя, Андрей Губа. Уже напоследок, когда остатки дружины Ярослава пробились сквозь строй врага, поймал свою стрелу боярин Дмитр.

– Княже! Княже! Обожди! – Ярослав обернулся, попридержав коня. Боярин Петр, с головы до ног забрызганный кровью, поравнялся с ним. – Обожди, княже! Оторвались, кажись! Коня загонишь! – могучей рукой боярин схватил поводья княжеского скакуна, потянул вниз, пригибая голову жеребца к земле, останавливая эту бешеную скачку. – Полягут кони, княже! Осмотреться бы!

– Хорошо, – конь Ярослава, пробежав еще несколько шагов, наконец остановился, пена ключьями слетала с него. – Привал!

Впервые после того как им удалось вырваться, Ярослав, не озираясь через плечо и круп своего коня, по-настоящему огляделся вокруг.

Небольшая поляна посреди редкого леса, где они оказались, была залита ярким светом, солнце поднялось уже высоко, а ему казалось, что битва закончилась только что. Усталые всадники, едва спешившись, валились на землю, взмыленные кони, обессиленные, с трудом держались на ногах. Сколько же длилось это отчаянное бегство? И сколько оно продлится еще?

Подлетевший Рудольф придержал стремя, помогая князю спрыгнуть на землю. Постельничий Митяй сбросил свой плащ, расстелил его на траве, но Ярослав, даже не взглянув на слугу, прошел мимо. Шатающейся походкой добрал до края поляны, сел на корягу, привалившись плечом к поросшему мхом стволу высокой сосны, и долго сидел, жадно раздувая ноздри, вдыхая перемешанные со смолой запахи леса.

– Княже? – старый Арнульф, единственный кто осмелился нарушить одиночество Ярослава, подошел, присел рядом. – Ты как? Не ранен?

– Сторожу надо выслать, – не оборачиваясь, отрешенно бросил Ярослав. – Не ровён час...

– Уже выслали. Ты сам-то как? – старый воевода с тревогой заглядывал в лицо своему князю.

– Как же так, Арнульф? – Ярослав повернулся, в глазах властелина Рязани и Муромы стояли слезы. – Что же теперь делать-то, а? Как быть дальше?

– Нешто, – тяжелая старческая рука легла на плечо князя, и было в ней столько силы и мудрости, что, казалось, сейчас пригнет его к земле. – Настоящий воин не тот, кто сильно бьет, а тот, кто, упав, вновь поднимается. Будь сильным, Святославич, – в хриплом голосе воеводы Ярослав услышал отголоски древних германских богов, которым когда-то поклонялись предки Арнульфа да и его, Ярослава, тоже. – Будь сильным! Таким, как был твой отец! Держи удар! И тогда твоим врагам никогда не сломить тебя.

– Спасибо, Арнульф, – Ярослав тряхнул головой, решительно поднялся. – Ты прав, не время сейчас предаваться отчаянию. Нам нужно идти дальше!

Глава 5

– Эй, урус! Давай! Шевелись! – толстый половец, голый по пояс, обливаясь потом, лениво щелкнул плетью. Сейчас бы лежать в тени, попивая холодный кумыс, а нет же, приходится стоять на самом солнцепеке, мучиться. – Эй, урус! Давай, давай!

Два десятка пленников под надзором надсмотрщиков таскали длинные бревна для постройки плотов. Чтобы не давать русичам топоров, рубиться которыми они были большие мастера, на бревна раскатали несколько изб, уцелевших после пожара в разоренной деревне. Да так и быстрее. Бревна вязали вместе и сплавляли вниз по реке, плотов нужно было много, добычу половцы взяли богатую. Одних только полоняников несколько сотен, а еще скот, рухлядь, всякое добро.

Воица распрямил затекшую спину, покосился на охранников, не видят ли. Нет, размлели на жару, стоят, скалятся. Да и плетью поработали на совесть, умаялись, вон на Воице места живого нет. Он потерял избитые плечи, скривился от боли.

Весь день вчера и сегодня все утро поганые нещадно истязали пленников. К полудню, когда наконец-то остановились под Моховым, Воица уже отупел от боли. Сколько раз уже он готов был упасть и лежать, не вставая, пока кто-нибудь из охранников не добил бы его, но каждый раз Твердибой, шедший впереди, подставляя плечо, помогал удержаться, а полные решимости темно-синие глаза русича заставляли Воицу идти вперед.

Под Моховым половцы согнали весь полон вместе. Несколько поганых в ярости от того, что город еще держится, на полном скаку влетели в толпу пленных, давя несчастных конями, избивая всех подряд. Кого-то из русичей, трех мужчин и двух женщин, вывели в поле и прямо под стенами, на виду у защитников крепости ободрали донага и тут же обезглавили. В ответ со стен города неслись стрелы и проклятия.

Затем большую часть полона, всех женщин, детей и многих мужчин, погнали вниз по Днепру, в сторону Лоева, а остальных, в число которых попал и Воица, разделили и заставили вязать плоты, готовить переправу.

– Эй! Давай, урус, давай! – высокий половец с длинными волосами и увесистой палкой в руке увидел, что Воица замешкался и, сделав шаг в его сторону, угрожающе замахнулся. Воица поспешил снова взяться за работу, стараясь не поднимать глаз на поганого. Надсмотрщик крикнул что-то своим приятелям, засмеялся, явно красуясь своим гигантским ростом и огромными, неестественно раздутыми мускулами. Такому и палки не нужно, убьет одним ударом кулака.

– Бежать надо, – глянув на отошедших в тень половцев, поднимая большое обгорелое с одного края бревно, зло прошептал Твердибой. – Пока руки не связаны. А то поздно будет.

– Посекут всех, – надрываясь от тяжести, ответил ему Власт, худой русич в длинной рубахе, задубевшей от крови. – Не успеем уйти, догонят. Сторожи кругом.

– Рекой уйдем, на плоту. На ту сторону, – Твердибой кивнул головой туда, где виднелся вдалеке левый берег Днепра. – Там болота, глядишь, укроемся.

– Побьют стрелами. Боязно.

– Боязно. Но другого такого случая может не быть. Эх, нам бы сейчас хоть пару весел. Эй! Внизу! Отпрянь! – тяжеленное бревно, которое с трудом дотащили пятеро русичей, полетело с обрыва, почти докатившись до самой воды, где его подобрала другая группа пленников, вязавшие плот. – Власт, Воица, предупредите остальных, – прыгивая вниз, чтобы помочь, прошептал Твердибой. – Как сторожа пройдет, начнем. Авось пронесет.

Идя за следующим бревном, Воица со страхом смотрел на половцев. Их было пятеро, да еще двое внизу, у реки. Здоровые крепкие воины, пусть и без доспехов, но с оружием, про-

тив двадцати голодных, замученных, доведенных до отчаяния русичей. И все-таки Твердибой прав. Или сейчас, или уже никогда. Воица яростно сжал кулаки.

Когда появилась сторожа, десяток облаченных в брони всадников, Твердибой и еще один русич уже успели присоединиться к пленникам, таскавшим бревна наверху. У самой реки остались только четверо их товарищей.

Десятник половцев, гарцуя на превосходном белом жеребце, перекинулся парой слов с укрывшимися в тени охранниками. Насупив брови, кочевник посмотрел на тащивших очередное бревно пленников, подъехал к обрыву, заглянул вниз. Наконец, видимо, оставшись доволен, весело гикнул, и половецкий разезд, взяв с места в карьер, умчался прочь.

Сердце Воицы бешено забилося в груди. Ну вот, сейчас! Он заметил, как весь подобрался, словно зверь перед прыжком, Твердибой, как судорожно сжал кулаки Власт, как незаметно, украдкой перекрестился высокий, молодой русич рядом, как налились кровью глаза еще одного пленника.

Ничего не подозревающие половцы сидели в тени большого дуба, оружие их лежало рядом.

Один из кочевников, самый толстый и, похоже, главный из них, удивленно поднялся, заметив, что все пленники разом бросили работу. Сжимая в руке плеть, половец сделал несколько шагов навстречу русичам.

– Эй, урус! Что встал? Давай, давай! – крикнул он привычно, но вдруг вздрогнул, почувствовав что-то, и, резко отбросив плеть, потянул из висевших на поясе ножен кривую саблю.

Звериный рык Твердибоя послужил сигналом к атаке. Заорав, больше для того чтобы отогнать свой собственный страх, русичи бросились вперед.

Половец лишь наполовину успел вытащить саблю из ножен, когда Твердибой, в два прыжка покрыв разделяющее их расстояние, страшным ударом поверг кочевника навзничь. Не теряя ни секунды, русич кинулся дальше.

– Умри! – молодой парень, крестившийся перед схваткой, выхватив из рук упавшего половца саблю, коротко замахнувшись, рубанул поганого. Кровь брызнула под ноги остолбеневшего Воицы. – Вперед! – резкий окрик резанул его, как ножом, он очнулся, закричав, побежал за всеми, туда, где уже кипел настоящий бой.

К тому времени Твердибой сбил с ног еще одного степняка, но остальные успели схватить оружие.

Вперед вылетел тот самый здоровый половец, что грозил Воице палкой. Он играючи отбил удар сабли молодого русича, рубанул в ответ, и парень, обливаясь кровью, повалился в траву. Но затем кочевник сделал что-то странное. Рассмеявшись, словно вдруг обезумев, он отбросил свою саблю в сторону и, безоружный, пошел на русичей.

Первый попавшийся ему на пути пленник, получив могучий удар, сложился пополам и как подкошенный рухнул на землю. Затем половец раскидал, как щенят, еще троих, но тут Воица, не видя и не слыша ничего от страха и ярости, бросился ему под ноги. Свалить такого гиганта было ему не под силу, но юноша заставил кочевника запнуться, и тут же этим воспользовались повисший у него на руке Власт и обрушившийся сзади Твердибой. Клубок из сцепившихся тел покатился по траве.

Оставшиеся на ногах русичи дружно навалились на врага.

Поганые отбивались яростно. Один из них, молодой кочевник, успел подобрать не только саблю, но и щит, другой размахивал длинным копьём, но количество нападавших все же сыграло свою роль. Вооруженные чем попало, палками и камнями, бывшие пленные нападали с отчаянием людей, которым нечего терять, и, хотя еще четверо из них погибли, русичи все же одолели.

С трудом выбравшись из общей свалки, Воица не с первого раза поднялся. Твердибой сумел-таки прижать своего соперника к земле, железные пальцы сомкнулись на горле половца, ломая гортань. Воица отвернулся, чтобы не слышать этот мерзкий хруст.

– Быстрее! – вскочив на ноги, но все еще шатаясь и тяжело дыша, Твердибой подгонял русичей. – Надо спешить! Вперед!

– Обожди! Дай отдышаться! – Власт в изодранной в клочья рубахе, задыхаясь, сидел на земле, не в силах встать.

Из шестнадцати пленных, вступивших в отчаянную схватку за жизнь и свободу, в живых остались только одиннадцать, да и то четверо из них после встречи с кулаками огромного половца все еще не могли прийти в себя. А внизу у реки их ждали еще двое кочевников. Но теперь у русичей было оружие.

Первым с обрыва с саблей в руке прыгнул Твердибой. Воица и все, кто еще мог сражаться, последовали за ним. И вовремя.

Четверо пленников, остававшихся внизу, решив не бросать в беде своих товарищей, в свою очередь напали на половцев, но им повезло гораздо меньше. Когда подошли Твердибой и остальные, двое из русичей были уже мертвы, а оставшиеся в живых, загнанные на дальний конец большого плота, озирались по сторонам с отчаянием людей, уже не надеющихся на спасение.

Твердибой, как коршун, налетел на врага. Один из половцев упал, не успев даже обернуться. Зато другой, уже пожилой и, видимо, опытный воин, с ловкостью умелого фехтовальщика успешно отбивал все атаки. Даже навалившись всем скопом, русичам не удалось поразить его. Сабля в руках кочевника мелькала так быстро, что ни один удар не мог пробить эту защиту. При этом половец с поразительным хладнокровием успевал не только обороняться, но и атаковать, и еще двое русичей приняли смерть от его руки. Лишь только когда один из спасенных достал-таки кочевника длинным багром, все было кончено.

Наконец-то путь к свободе был открыт. Но нужно было еще переправиться на другой берег, а переплыть широкий Днепр, пусть и на большом плоту, но имея на всех только два багра, не представлялось возможным. Однако это уже не могло остановить людей, доведенных до крайности и отчаяния; людей, которые без оружия бросались на врага и одержали победу, доставшуюся такой дорогой ценой – девять из двадцати русичей отдали свою жизнь за свободу. Для таких людей, как Твердибой и его спутники, уже не существовало преград, не было ничего невозможного.

Отталкиваясь баграми, гребя руками, обломками бревен и всем, что только могло послужить веслом, бывшие пленники отошли от берега, и Великая река, такая родная и с детства знакомая, Великая река, на которой они выросли и которой вверяли сейчас свою судьбу, неслышно подхватила их плот.

* * *

Вечером того дня, когда было разбито войско Ярослава рязанского, снова пошел дождь. Большие тяжелые капли щедро падали с неба, копыта коней с хлопанием месили прибрежную грязь, застревали в жиже.

Небольшой отряд устало двигался левым берегом Днепра. Местность здесь была болотистая, эта земля и в жару почти никогда не просыхала, а после дождей и вовсе превратилась в почти непроходимую топь. И все же разезды русичей упорно пробирались вдоль берега, внимательно глядя в становившийся все плотнее туман. Удара половцев можно было ожидать в любой момент.

– Скоро совсем стемнеет, похоже, сегодня эти выблюдки уже не сунутся, – высокий всадник, ехавший во главе кавалькады, обернулся к своему ближайшему спутнику. – Как думаешь, Ратша Ингваревич?

– Ты бы послал гонца к Ольберу, Дмитр Иворович, – Ратша, а вторым всадником был именно он, откинув капюшон, оглядел растянувшихся воинов. – Кони уже устали, надо бы сторожей встать. Вряд ли, конечно, половцы будут переправляться в ночи, но чем чёрт не шутит, с ними надо ухо держать востро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.